

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Арчибальд
Кронин

СЫН
МЕНЕСТРЕЛЯ

♦
ГРЕЙСИ
ЛИНДСЕЙ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

СЫН МЕНЕСТРЕЛЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

В один ветреный мартовский день в середине 1920-х годов я сидел в приемной префекта по учебной работе иезуитской школы Святого Игнатия, чему был несказанно рад после семи нелегких лет, проведенных в образовательных заведениях, которые находились в ведении муниципалитета Уинтона. Сразу же после моего появления на свет мой отец, питая самые радужные надежды относительно своего будущего, а также в приливе отцовских чувств записал меня в Стонихерст¹. Когда же шесть лет спустя он скончался после тяжелой и продолжительной болезни, его достойные похвалы амбиции так и не были удовлетворены: оставленных им денег едва хватило, чтобы рассчитаться с докторами и оплатить похороны.

И все же школа Святого Игнатия была неплохой заменой заведению в Ланкашире, выбранному для меня моим родителем. Школа с примыкающей к ней церковью располагалась на холме недалеко от центра города и предназначена была для возвращивания отпрысков католической буржуазии, а кроме того, благодаря умеренным ценам — и сыновей рабочих; преподавали в школе священники-иезуиты, воспитанные, как правило, по стро-

¹ *Стонихерст* — католический колледж, расположенный в графстве Ланкашир. — *Здесь и далее примеч. перев.*

гим церковным канонам и отличающиеся свойственной этому ордену надменностью, что пугало меня до крайности, а потому, когда за моей спиной открылась дверь, я как ошпаренный вскочил на ноги.

Но в комнату непринужденно вошел незнакомый мальчик, явно чувствующий себя здесь как дома. Я снова сел на место, а он с легкой полуулыбкой расположился рядом. Одет он был несравненно лучше меня: в прекрасно скроенный темный фланелевый костюм, тонкие носки и блестящие туфли, белоснежную рубашку с галстуком в черно-зеленую полоску — явно цветами его частной школы. Из нагрудного кармана пиджака высовывался льняной носовой платок, а в петлице вызывающе красовался маленький василек. Более того, мальчик — с его благородной бледностью, мягкими белокурыми волосами и голубыми глазами — был настолько хорош собой, что я еще больше застеснялся не только своих огненно-рыжих волос, веснушек и длинного носа, но и убогой одежды: старых фланелевых штанов, синей шерстяной кофты, связанной матерью, трещиной на облезлом носке правого ботинка, которая возникла в результате неудачного удара по вылетевшему со школьного двора мячу. В результате я сразу же возненавидел мальчишку и решил при первой же возможности как следует ему наколотылять.

Неожиданно, к моему величайшему удивлению, мальчик нарушил торжественную тишину уставленной фолиантами комнаты.

— Надо же, как скучно. Похоже, пунктуальность не входит в число достоинств иезуитов, — сказал он и вдруг запел: — «В церкви тихой и пустой оказались мы с тобой!» — а потом продолжил уже нормальным тоном: — Спорим, Бошан сейчас завтракает в буфетной. Полагаю, он жуткий обжора. Хотя ужасно образованный. Выпуск-

ник Итона. Новообращенный, естественно. — Мальчик снова затянул свою песню, теперь уже громче: — «В церкви тихой и пустой оказались мы с тобой...»

В этот момент дверь распахнулась, и моим глазам предстала массивная величественная фигура в сутане, впрочем не способной скрыть явно выраженную породность ее обладателя. В правой руке человек нес тарелку с большим двойным сэндвичем с сыром. Вошедший водрузил тарелку на письменный стол, предварительно аккуратно застелив его салфеткой, которую достал из верхнего ящика. Затем он тяжело уселся за стол и произнес то ли в виде извинения, то ли просто в воздух буквально следующее:

— *Edere oportet ut vivas.*

— *Non vivere ut edas*¹, — вполголоса отозвался сидевший возле меня маленький сноб.

— Хорошо, — кивнул прелат, который, вне всякого сомнения, был не кем иным, как отцом Бошаном. — Хотя ты и цитируешь Цицерона, о чем тебя, впрочем, не просили... — Здесь святой отец остановился, перевел взгляд с мальчика на меня и только потом продолжил: — Когда я подходил к храму науки, то услышал весьма нестройный напев...

— Есть у меня дурацкая привычка, — честно признался мой сосед. — Когда я нервничаю или жду кого-то, кто опаздывает, то непроизвольно начинаю петь...

— Да уж! — мрачно заметил Бошан. — Тогда встань и пой. Но только очень тебя прошу, ничего вульгарного.

Я с трудом подавил злорадный смешок. Сейчас этот маленький задавака выставит себя круглым дураком. Он медленно поднялся. Пауза явно затянулась. Затем, устре-

¹ «Нужно есть, чтобы жить». — «Но не жить, чтобы есть» (*лат.*).

мив взгляд куда-то вдаль, мимо отца Бошана, мальчик запел.

Он исполнял *Panis Angelicus* — один из наиболее сложных церковных гимнов на латыни. И когда сладостные и трогательные слова гимна, наполнив комнату, начали постепенно подниматься к небесам, глупая ухмылка исчезла с моего лица. Еще никогда прежде я не слышал столь чудесного и искреннего исполнения и такого голоса — чистого и чарующего. Я был совершенно покорен и полностью отдался во власть музыки. Когда стихли последние звуки, в комнате воцарилась гробовая тишина.

Я был ошеломлен и долго не мог прийти в себя от потрясения. И хотя в те времена мои музыкальные познания были крайне ограничены, я не мог не понять, что этот разодетый вундеркинд действительно обладает редким — прекрасным и пленительным — голосом. Бошан тоже был явно впечатлен.

— А-а-а... Хм... — только и смог выдавить он. — А-а-а... Хм... Нам непременно следует поговорить о тебе с нашим хормейстером, добрейшим отцом Робертсом. — И после непродолжительной паузы он добавил: — Ты, должно быть, юный Фицджеральд.

— Да, я Десмонд Фицджеральд.

— Ну что ж, очень хорошо, — неожиданно мягко произнес отец Бошан. — Я много лет переписывался с твоим отцом. На редкость эрудированный человек. Выдающийся ученый. Именно его стараниями я получил «Апокалипсис» из библиотеки Тринити-колледжа, очень ценное и редкое издание, выпущенное Роксбургским клубом¹. — Помолчав, он продолжил: — Но из его письма,

¹ *Роксбургский клуб* — общество библиофилов в Лондоне (основано в 1812 году), члены которого брали на себя обязательство перепечатывать книги за свой счет.

полученного мной за несколько месяцев до его смерти, я понял, что ты собираешься в Даунсайд¹.

— Материнские чувства не позволили моей матушке отпустить меня далеко от дома, сэр. А потому она решила возложить на вас бремя ответственности за меня. Полагаю, к величайшему облегчению бенедиктинцев.

— Значит, теперь ты живешь в Уинтоне?

— Моя мать — шотландка. Овдовев, она решила вернуться на родную землю. Она сняла дом в Овертон-Кресцент.

— Прелестно. Чудесный вид на парк. Надо будет обязательно ее навестить... Возможно, она угостит меня чаем. — Лицо Бошана приняло мечтательное выражение, и он облизал губы. — Как настоящая жительница Шотландии, она, должно быть, умеет печь эти восхитительные глазированные французские пирожные, которыми так славится наш город. Безусловно, пережиток Старого союза².

— Сэр, я обязательно позабочусь о том, чтобы к вашему визиту в доме был приличный запас, — серьезным тоном ответил Десмонд.

— Очень хорошо. Очень хорошо. А-а-а... Хм... — Тут Бошан повернулся ко мне и стал внимательно меня изучать, сосредоточенно нахмутив кустистые брови. — А теперь ты?

Уязвленный до глубины души столь пылким обменом любезностями, невольным свидетелем которого стал, я почувствовал себя здесь еще более чужим, а потому невнятно пробормотал сквозь зубы:

— А я просто Шеннон.

¹ *Даунсайд* — одна из старейших католических британских школ-пансионов, возглавляемых монахами-бенедиктинцами.

² *Старый союз* — военно-политический и культурный альянс средневековых Шотландии и Франции, направленный на сдерживание внешнеполитических амбиций Англии.

Похоже, ему понравились мои слова. На его лице появилась благодная улыбка.

— Ах да! Ты приехал к нам по стипендии Кельвина. — Бошан наклонился и заглянул в лежащую на столе папку. — Несмотря на свой рост, ты похож на «скромный, маленький цветок»¹, но, может быть, я сумею повысить твою самооценку, если сообщу, что твоя экзаменационная работа признана исключительной. Именно такую характеристику дал отец Йегер, который ее проверял. Ну что, доволен?

— Моя мама будет довольна, когда я сообщу ей об этом.

— Хорошо сказано! Теперь ты больше не просто Шеннон, а великолепный Шеннон. — Бошан внимательно оглядел меня с головы до ног, явно не обойдя вниманием и злополучную трещину на ботинке. — А сейчас, если тебе удобно, можешь зайти к казначею и договориться о перечислении первого взноса из суммы твоей стипендии. Канцелярия открыта с двух до пяти.

К этому времени аромат свежесдобитого хлеба уже успел проникнуть за пределы салфетки, на которой лежали сэндвичи, и распространился по комнате. От аппетитных запахов у меня даже слюнки потекли, и я понял, что добрейшему префекту не терпится наконец разделаться со своим бутербродом. Бошан торопливо проинформировал нас, что мы зачислены в старший четвертый класс², объяснил, где находится классная комната, и с облегчением отпустил.

Однако, когда мы проходили мимо письменного стола, префект протянул свою здоровенную лапищу и, ни

¹ Строка из стихотворения Р. Бернса «Горной маргаритке, которую я примял своим плугом» (перевод С. Я. Маршака).

² Старший четвертый класс соответствует десятому классу российской школы.

слова не говоря, вынул цветок из петлицы пиджака Фицджеральда.

— С твоего позволения, во время занятий — никаких флористических украшений.

Десмонд вспыхнул, но возражать не стал, а лишь молча кивнул. Уже в коридоре мой новый товарищ сказал с улыбкой:

— В этом весь Бошан. Золотая голова! Ненасытное брюхо! Спорим, он пустит мой василек на салат! А я еще и пел ему, как последний идиот. Теперь меня непременно засунут в очередной хор. Хотя я и так целых три года играл роль чертовой примадонны в подготовительной школе!

— Быть может, у тебя скоро начнет ломаться голос? — попытался утешить я нового знакомца.

— Уже сломался. Причем очень рано. Теперь я обречен быть Доном Оттавио, Каварадосси, проклятым Пинкертоном!¹ — Тут Десмонд взял меня за руку и тихо добавил: — Надеюсь, я тебе понравлюсь, так как нам все равно придется быть вместе. Думаю, ты мне тоже понравишься. Твое «просто» прозвучало весьма мило. Ты играешь в шахматы?

— Я играю в футбол, — ответил я. — А ты?

— Ни разу в жизни не гонял мяч. Но обязательно приду поболеть за тебя. А сейчас почему бы нам, прежде чем приступить к трудам праведным, не пропустить по стаканчику имбирного лимонада? Я видел неподалеку неплохую кондитерскую.

— Я на мели, — холодно произнес я.

— Ты что?! Это же я тебя пригласил. Пошли!

И он повел меня через улицу к заведению, которое оказалось кондитерской при школе. Внутри было удивительно уютно. Мы сели за столик.

¹ Соответственно героини опер «Дон Жуан» В. А. Моцарта, «Тоска» и «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини.

— Два имбирных «швепса», пожалуйста. И похолоднее. С кусочком лимона, если, конечно, у вас имеется такая вещь, как лимон.

Женщина, стоящая за прилавком, как-то странно посмотрела на Десмонда, но уже через несколько секунд перед нами стояли два стакана с пенным напитком, в каждом из которых плавало по кружочку лимона.

— Благодарю вас, мэм. Могу я с вами рассчитаться?

Боже, как давно я не пил имбирного лимонада! Я сделал большой глоток приятно охлаждающей жидкости.

— Правда, хорошо? — улыбнулся Десмонд. — Лимон здорово улучшает вкус. А теперь расскажи о себе. Оставим в стороне забивание голов. Чем ты вообще хочешь заняться?

Я рассказал ему, что мечтаю получить университетскую стипендию и, если повезет, заняться медициной, а потом в свою очередь задал ему тот же вопрос.

— Я хочу стать священником, — ответил моментально посерьезневший Десмонд. — И мама будет довольна. Она у меня очень славная и очень набожная. Так что к тому времени, как ты обоснуешься на Харли-стрит, я уже буду кардиналом в Риме. Думаю, мне пойдет красная шапочка.

И мы оба покатались от хохота. Устоять против обаяния Десмонда было невозможно. А ведь еще каких-то полчаса назад у меня руки чесались задать ему хорошую трепку! Но теперь он меня покорила. И стал мне даже нравиться.

— Ну что, еще по кружечке? — осушив стакан, спросил Десмонд.

Я почувствовал, как кровь прилила к щекам, но взял себя в руки и твердо сказал:

— Извини, Фицджеральд. Но я не могу ответить тебе тем же. А поскольку быть прихлебателем вовсе не вхо-

дит в мои планы, я должен сообщить, что мы — я и моя мама — находимся сейчас в крайне стесненных обстоятельствах.

Десмонд что-то сочувственно пробормотал. Я видел, что ему ужасно хочется задать мне вопрос, но дальнейшее просвещение нового друга вовсе не входило в мои планы. А он, естественно, был слишком хорошо воспитан, чтобы давить на меня.

— Все самые почитаемые святые были бедны и предпочитали нищету богатству.

— Воля их, — парировал я.

— В любом случае, — улыбнулся Десмонд, — Господь свидетель... я не хочу, чтобы это помешало нашей дружбе. — А пять минут спустя, когда мы вышли из кондитерской, он взял меня за руку и сказал: — Возможно, еще не время, но не будешь ли ты возражать, если мы будем обращаться друг к другу по имени? Я терпеть не могу, когда меня называют Фицджеральд. Все Фицы, как известно, являются потомками незаконнорожденных отпрысков Карла Второго. Он швырнул им приставку «Фиц» вместе с *baton sinister*¹. Даже думать об этом противно. Нет, я предпочитаю, чтобы ты звал меня Десмонд, но никогда, заруби себе на носу, никогда не называй меня Дес. А как мне тебя называть?

— Ну... у меня совершенно ужасное имя. Меня назвали Александром в качестве искупительной жертвы, причем абсолютно напрасной, принесенной моему дедушке. А второе имя я получил в честь святого Иосифа. Но друзья обычно зовут меня просто Алек.

Мы вошли в классную комнату. Увидев, что наши парты рядом, Десмонд бросил на меня довольный взгляд.

¹ *Букв.* левая перевязь. В геральдике это полоса на гербе от верхнего правого угла до нижнего левого угла, свидетельствующая о незаконном рождении.

ГЛАВА 2

Отец Десмонда был книготорговцем. Но ни один современный роман не мог попасть в пределы обшитой ромбовидными панелями маленькой пыльной лавки, приткнувшейся в уголке дублинской гавани и широко известной в Англии и за ее пределами как хранилище редких фолиантов, специальных изданий произведений изобразительного искусства, исторических буклетов, трудов ученых мужей и тому подобных вещей, за которыми охотятся просвещенные коллекционеры, желающие приобрести что-нибудь особенное, но по цене гораздо ниже той, что бесстыдно запрашивают в Лондоне или в Нью-Йорке.

Хотя Фицджеральд и не нажил особого богатства — о чем охотно сообщал своим клиентам при заключении сделки, — он вполне прочно стоял на ногах и, будучи на двенадцать лет старше жены, весьма предусмотрительно сохранил и удвоил ее состояние путем денежных вложений на ее имя, что после его кончины — события, не заставившего себя долго ждать, — обеспечило ей приличный годовой доход.

Его жена Элизабет была родом из Шотландии, а именно из Ланаркшира, и потому на берегах полноводной Лиффи чувствовала себя не вполне уютно. И вот, выждав положенное приличиями время, что позволило ей продать дом и получить вполне разумную сумму за материальные и нематериальные активы фирмы, она переехала в Уинтон, где с оборотистостью репатриантки очень быстро нашла прелестный дом на холме, о котором упомянул Десмонд в разговоре с отцом Бошаном, когда тот напросился на чай. При такой матери, которая души не чаяла в единственном сыне, Десмонд получал все, что только мог пожелать: красивую одежду, карман-

ные деньги без ограничения, новый велосипед, чтобы ездить в школу...

Я же находился в совершенно другом положении. Моя мать была дочерью преуспевающего фермера из графства Айршир, но семья отеклась от нее, когда она убежала из дому с моим отцом-ирландцем, совершив при этом еще более тяжкий грех, а именно, перейдя в лоно Римско-католической церкви. После смерти моего отца упорная приверженность матери новой вере не оставила ей ни малейших шансов на примирение с семьей. Но мою отважную маленькую маму было не так-то легко сломить. Пройдя короткий курс обучения, она получила должность патронажного работника при муниципалитете Уинтона. Служебный долг привел ее в печально известный район под названием Андерсон — мрачные трущобы, где беднота плодила себе подобных: золотушных и рахитичных детей. Такая замечательная, но достаточно обременительная работа вполне подходила маме, женщине энергичной и жизнерадостной. Заработная плата, отнюдь не соразмерная затрачиваемым усилиям и полученным результатам, составляла два фунта в неделю. За вычетом двух шиллингов и шести пенсов в пенсионный фонд и еще семи шиллингов и шести пенсов в качестве еженедельной платы за нашу так называемую двухкомнатную квартиру, на все про все, то есть на еду, одежду и наше с мамой содержание, оставалось лишь тридцать шиллингов, и это до следующего дважды благословенного дня маминой зарплаты. Но не думайте, что мы влачили унылое и голодное существование в скудно обставленных «кухне и комнате» на четвертом этаже, куда я рысью поднимался по бесконечной лестнице, твердо зная, что наконец-то возвращаюсь домой, где проголодавшемуся мальчишке всегда найдется что поесть. Овсянка на завтрак, а если придется, то и на

ужин, иногда, как вариант, бесподобное шотландское кушанье — гороховая каша на пахте, густой перловый суп с овощами на мозговой косточке, домашние ячменные или пресные сконы, а по выходным — говяжьи голяшки, которые после воскресенья превращались в мясное рагу или картофельную запеканку с мясом. А еще я никогда не забуду мешка картошки, который каждый август тайком присылал нам старый работник с фермы маминых родителей. И хотя я прекрасно знал, что это ворованный товар, для меня не было ничего вкуснее больших рассыпчатых картофелин «кинг Эдуард», которые мама запекала в духовке и подавала на стол с кусочком масла. Я съедал все, даже кожуру.

И тем не менее мой образ жизни настолько разительно контрастировал с приятной легкостью бытия Десмонда, что было нечто странное в нашей крепнувшей день ото дня дружбе. Мы встречались радостно, как старые друзья после долгой разлуки, и вместе с тем в наших отношениях не было ни малейшего намека на чувство превосходства с его стороны или зависти — с моей, хотя он приезжал в школу на новеньком велосипеде фирмы «Роли», а я тащился две мили пешком, поскольку у меня не было даже полпенса на трамвай.

В большинстве образовательных учреждений под руководством иезуитов близкая дружба между мальчиками не только не приветствуется, но и порицается. Но так как в дальнейшем нам с Десмондом предстояло разойтись по разным классам, на нашу взаимную привязанность смотрели сквозь пальцы, без тени сомнения или подозрения. Я никак не годился на роль партнера по любовным утехам, поскольку практически сразу же был принят в футбольную команду, где меня заметили и оценили по достоинству благодаря резкой манере игры в качестве центрального полузащитника, в то время как Дес-